

# ДОБРАТЬСЯ ДО САМОГО НАСТОЯЩЕГО

\* \* \*

Мне не спешить с корабля на бал,  
мне – с колеса на дыбу.

Мне – лабиринты кривых зеркал  
и два моста на выбор.

Вот бы среди неземных страстей  
хоть бы одну земную,  
и – переплыть бы, перелететь,  
оба моста минуя,

стать как святые и корабли,  
шествовать, рябь листовая,  
но те, что однажды с мостов сошли,  
служат другим мостами.

Что ж, наказание поделом,  
так вот теперь и маюсь –  
к этому берегу лебединым тянусь крылом,  
лапой за тот цепляясь.

## Снегири

Тем, кого я люблю, нет со мной ни счастья, ни шалаша. Потому ли так холодно в этом самом июльском из ноябрей? Добрый Боженька, дай мне новую кожу и тёплый шарф, я сбегу на Аляску и буду выращивать снегирей.

Как мне тошно оборачиваться вокруг их ран тысячами слоёв и кровото-чить, когда они снова тычут в себя ножами. Добрый Боженька, почему Ты сделал так, что Земля – это шар, у которого нет краёв, и мы возвращаемся, как далеко бы ни убежали?

Снегири красногруды, но эта алость ни капли не солоня. Не кровь их сердце, окропившая перья, как несмыываемые чернила. О, если бы только земля была диском, стоящим на трёх слонах, как бы это всё упростило и изменило!

Я бы назло всем любимым, друзьям, мужьям,  
всем июлям и нояблям,

снегилям, синицам и журавлям,  
всем знакомым с детства и просто проходим с улиц,  
прыгнула вниз и летела, ранясь только о звёздные сколотые края,  
и танцевала, пока бы не задохнулась.

Но мои кастаньеты щёлкают, как затвор. Мой подол, как праща, способен метать снаряды. Не мог бы Ты, Господи, отвернуться, хоть пять минут не смотреть в упор, пока я тут привожу свою жизнь в порядок?

Но Ты смотришь и смотришь, в глазах Твоих слёзы, как жемчуга. И любовь так горька в них и так кромешна. И я иду танцевать по своей печали, как по лугам, в красном платье – немарком, как спецодежда.

\* \* \*

Когда кончаются досточки, все опоры, чужие строчки, и надо искать свои, снимаешь один за другим, как фиговые листочки, офотошопленные слои. Головы отрубая чужим стихам, сквозь аллюзии пробиваясь, ища исток, а Бродский из этих джунглей навстречу выскакивает, как Шерхан, и Пастернак гипнотизирует, как питон, твоя голова – это свалка использованных цитат, кунсткамера заспиртованных голосов, и ты должен оставить их позади, ты, кротко наследовавший цветущий сад, где и семечка больше некуда посадить, оставляешь всех этих ящеров, образцы наскальных рисунков, камней и флор, чтобы добраться до самого настоящего, сути вещей, песни песней, до чёрных пор. До dna Марианской впадины, внутренних живодёрен, всех некрасивых подробностей, похоти и вранья. До горечи яблочных зёрен, сковавшей язык и зоб, как змеиная чешуя. Чувствуешь, как внутри начинает стонать и корчиться изменяющаяся душа, но упрямо ждёшь, когда же искусство кончится и задышит всё, чему положено задышать. Не знаешь, не то чертыхаться, не то молиться, видишь и небо в алмазах, и огненный дождь, и град, и кажется: всё, что случалось до тебя – репетиция, а всё, что после – бессовестный плагиат, мир полон жизни, огня и красок, и каждая строчка пронзительна и нова, ты мнишь себя кем-то вроде царя Мидаса, ну, или Николаса Фламея, обессмертившего собственные слова. Ты такой весь отчаянный и мятежный, доморощенный Данко, звезда третьесортного драмкружка... вдруг видишь, как собранные подснежники асфоделями оборачиваются в руках. Это опять перепевы чужой шарманки, твой философский камень всё обращает в гнилой кизяк. И хоть ты вывернись наизнанку, но ни о чём иначе сказать нельзя.